

УДК 821.161.1

Д.С. ПОГА

(*droga@yandex.ru*)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ПОВЕСТЬ В. ТОКАРЕВОЙ «МОИ ВРАГИ»: СМЫСЛ ЗАГЛАВИЯ

Выявляются функциональные особенности заглавия произведения, позволяющие реконструировать авторскую позицию в повести В.Токаревой «Мои враги».

Ключевые слова: *заглавие, автор; герой, персонаж, характер, «женская» проза.*

Произведения современной русской писательницы Виктории Токаревой отличаются продуманностью всех композиционных и языковых средств, используемых для построения художественного текста. Традиционно важную роль в мире ее прозы играет заглавие – рамочный компонент произведения, который сообщает о главной теме, идее или нравственном конфликте [6, стб.132]. Так, в названии повести «Мои враги» (2007) отражается главный конфликт, составляющий основу сюжетного действия: есть «я» и существуют «мои враги».

Произведение открывается списком персонажей, к которым повествовательница испытывает если не ненависть, то неприязнь: *«Анька – враг внутри дома. Танька – враг возле дома. Ванька – сосед, враг через забор»* [11, с.3]. Во *вражеский стан* записаны самые близкостоящие люди внутри, возле и около дома [Там же]. При этом не играют роли ни «вражеское» социальное положение, ни возраст, ни политические взгляды, поскольку Токарева в своем творчестве уделяет большое внимание именно нравственным вопросам, решение которых возведено до уровня философского обобщения [9, с.116].

В повести используется перволичная повествовательная форма, в которой рассказчик является и наблюдателем и персонажем [12, с. 40]. Несмотря на явную биографическую параллель между главной героиней и автором-творцом, необходимо учитывать, что «реально бывшее вступает в симбиоз с вообразенным, “документальный” факт сливается с литературным фактом или замещается им» [5, с.17], но «я-повествование» сохраняет искренность и доверительность, свойственные автобиографическим произведениям.

Первый из названных повествовательницей «врагов»– нянька внучки Анна Федоровна Стрельцова. Между ней и ее подопечной установились теплые отношения: *Анька для моей внучки – идеал человека. Первая любовь* [11, с.5], с глухой ревностью отмечает родная бабушка и начинает относиться к няньке с негодованием, фамильярно переходя с обращения к ней по полному имени до грубого окрика «Анька». Помимо ревности и зависти, повествовательница обнаруживает, что ей не чужд еще один грех – чревоугодие, она пристрастна к вкусной и обильной пище, которую готовила Анька, ведь *ее голубцы – это произведения искусства* [Там же]. Такая восторженная оценка соседствует с раздраженным замечанием: *«Анька перестала меня кормить. Я возвращалась из мастерской – голодная и усталая»* [Там же, с.8]. Пытаясь сгладить возникшую напряженность, хозяйка (она художница), показывает Аньке свою картину, но та лишь дважды *дернула плечом* [Там же, с.7]. Такая реакция демонстрирует пренебрежительное отношение няньки к труду талантливого живописца, которое, по-видимому, продиктовано недооценкой ее хлопот по дому: хозяйка видит лишь себя, свою внучку, свой дом, свою работу, не умея видеть и понимать остальных.

Второй враг – Танька, жена отца, неприязнь к которой не способна умалить внешние данные соперницы – *похожа на Мерилин Монро, но лучше* [Там же, с.14]. Тем хуже для этой «соперницы»: для повествовательницы она всегда и всего лишь Танька, о том, что у нее есть отчество, напоминает ей чужой человек: *«Зайди к Татьяне Александровне»* [Там же, с.48]. Требующая к себе уважительного отношения повествовательница переживает растерянность: *«А кто это? – не поняла я»*. После короткого

замешательства: «Танька? – опознала я» [11, с. 48]. Причина неприязненного отношения к этой женщине – надуманная тревога повествовательницы о злонамеренных планах Татьяны Александровны. Ей кажется, что задача Таньки – отнять у дочери родного отца, развести их *как можно шире – так, чтобы мы забыли лица друг друга* [Там же, с.11].

Ревность к мачехе мешает повествовательнице разглядеть главное достоинство Таньки, ставшей своего рода оберегом для своего мужа-ученого, которому нет дела до земных проблем. В тяжелые перестроечные годы она пряла шали из шерсти овец, *как Арина Родионовна* [Там же, с.12], для того, чтобы ее супруг мог спокойно заниматься наукой, а не думать о хлебе насущном. Но повествовательница считает, что, скорее всего, такая красивая женщина, как Танька, хочет извлечь материальные выгоды от брака с известным ученым, поэтому и приписывает ей свои мрачные мысли: «Она подозревает, что я хочу его деньги, дачу или лауреатские возможности: больницу, путевку в санаторий» [Там же, с.11].

Третий враг – «Ванька – Иван Петрович Панасюк – мой сосед по даче» [Там же, с.21], незаконно присвоивший себе несколько метров чужой земли. В токаревской повести «Паша и Павлуша» уже встречалась эта говорящая фамилия, отсылающая к целой галерее ярких имен персонажей Гоголя и Чехова и сообщающая об «особой примете именуемого» [4, с.136]. Обладательница фамилии тоже представляет собой далеко не привлекательный образ директора школы для умственно отсталых детей. Алевтина Панасюк, или «Панасючка», подменяет «дело видимостью дела» и бравирует «фактом халтуры» [10, с.12], чем вызывает искреннее негодование влюбленного в свою профессию молодого педагога Паши, вкладывающего в учеников всю душу и чувствующего с ними «внутреннее родство» [Там же, с.5]. То, что «панасючость разнообразна» [Там же, с.12], уже в «Моих врагах» подтверждается такими Ванькиными качествами характера, как *ушлость* и *расчетливость* [11, с.22], подмеченные повествовательницей. Как отмечает Л.А.Юркина: «Внешний вид персонажа не описывается, а создается и подлежит выбору, некоторые детали могут отсутствовать, а некоторые выдвигаются на первый план» [15, с.70], что наглядно показывает портретная характеристика Панасюка. Внешние данные соседа неприглядны: *лицо-яичница* и *противный* голос, *как будто в горле клокочет жир* [11, с.24]. Этого *врага* повествовательница буквально возненавидела. *Не самого Ваньку, а вот эту крысиную юркость как знак времени: кто смел, тот и съел* [Там же, с.22]. По-видимому, повествовательница с подозрением и боязнью относится и к прошлому, и к настоящему, когда «...социализм уже кончился, капитализм еще не родился, царил полная неразбериха в делах и в умах» [Там же, с.21], пытаясь законсервировать свое бытие от любых раздражающих воздействий, неслучайно она критично характеризует себя таким образом: «Я – продукт своей эпохи, выращенной в страхе и тревоге. Я боюсь любого начальства...» [Там же, с.22]. Этим объясняется и запальчивость ее суждений: «Я мечтала о том времени, когда мои враги исчезнут, улетучатся из моей жизни. Однажды я проснусь, а их нет» [Там же, с.39].

И вот счастливый час настал: Аньке пришлось покинуть дом хозяйки, потому что внучка подросла, ей уже не нужна была опека. Хозяйке внезапно становится жаль *бедную Аньку* [Там же, с.40], которая за долгие годы стала членом семьи. Напоследок «приземленная» Анька произносит прекрасную фразу, выявляя свое благородство и умение прощать обиды: *Главное, чтобы тут не было зла* [Там же], и с достоинством уходит навсегда из некогда родного ей дома.

Следующим испарился Ванька [Там же, с.42], продавший свой участок из-за долгов. Однако и это исчезновение «заклятого» соседа не принесло повествовательнице радости – вместо него поселились нахальные люди, которые *жрали водку, скандалили и даже дрались* [Там же, с.43]. Апогеем стал выстрел нового соседа в ее любимую собаку. Именно после этого случая приходит осознание, что не всегда желаемое сулит счастье: *Враги мои, зачем вы покинули меня? Я скучала по своим врагам. Оказывается, враги необходимы, как микробы. В стерильной среде живое не живет* [Там же]. Да какие они враги? После смерти мужа Танька тоже впала в состояние духовной смерти. Эта трагедия стала повод для пересмотра существующих отношений: *Вот тебе и Танька. А я ненавидела ее двадцать лет. Я ее просто не знала* [Там же, с.46]. Только осознав, что на свете осталась внучка – копия дедушки, кото-

рая представляет собой новый смысл существования, Танька возвращается к привычному образу жизни – любви и служению ближнему [Там же, с.50].

Получается, что повествовательница долгие годы неустанно и безрезультатно боролась со своими грехами, которые ей отравляли жизнь, поскольку героиня не замечала их в себе, зато отчетливо видела в представителях «враждебного стана». В ее отношениях со своими врагами была и зависть – например, к отношениям няни и внучки, и чревоугодие, и гордыня, продиктованная преданностью высокому искусству, и гнев даже при одном виде Ваньки, и лень, в которой она сама признается: *Еще я люблю ничего не делать. Лень – это инстинкт самосохранения* [Там же, с.39].

Таким образом, в зрелом периоде творчества Виктория Токарева создает повесть, ставшую в некотором роде исповедью, в которой автор показывает, что зачастую, приписывая другим все недостатки, мы забываем обратиться к своей душе и подумать: а не мои ли грехи этому виной? «В отсутствии милосердия и доброты, в равнодушии, корысти, лени лежит, по Токаревой, трагичность человеческой судьбы» [7, с.102], – справедливо отмечает В.Д.Серафимова. В этом видятся уроки А.П.Чехова, чьи традиции продолжает Токарева: «Я родилась с дискеткой писательницы, а Антон Павлович Чехов нажал нужную кнопку» (Цит. по: Стремитина Н. Прогулки по Вене с Викторией Токаревой // Литературная учеба. 2002. Кн. 4. Июль-август, с.64). Его «Скрипка Ротшильда» (1894), произведшая еще в самом детстве неизгладимое впечатление на писательницу, концентрирует «...и притом в самом сильном своем воплощении – все основные черты мировоззрения Чехова и главные особенности его мастерства» [14, с.129]. Здесь Яков по прозвищу Бронза, главный герой рассказа, всецело поглощенный «идеей Ротшильда», в конце жизни переживает процесс «постепенного возрождения человеческого начала» [3, с.99], прходя к выводу: «Если бы не было ненависти и злобы, люди имели бы друг от друга громадную пользу» [13, с.260].

Так и главная героиня В.Токаревой в «Моих врагах» видит способ оздоровления самого времени в ответственности каждого за происходящие, в смягчении нравов и терпимости к окружающим. Нелучайно повесть заканчивается строками из стихотворения Александра Володина, классика XX в.: *Простите, простите, простите меня. И я вас прощаю...* [11, с.63]. Именно эти слова ведут к христианской идее всепрощения при сохранении чувства собственного достоинства и личной ответственности за прожитое.

Володин, с которым близко была знакома писательница, о чем она неоднократно упоминала в своих интервью и в документальном фильме «Она написала себе роль», где с теплотой отзывалась о его личных и профессиональных качествах, в «Записках нетрезвого человека» (1991), размышляя о своей жизни, пишет: «Понял слово испытание. Это значит: послано испытание — совершу грех или нет» [1, с.5]. В такой ситуации приходится «бороться прежде всего с самим собой» [2, с.]. В анализируемой повести В.Токаревой борьба главной героини с собственными грехами, которые вечно заставляют совершать необдуманные и неверные поступки, заставляет читателя обратиться к собственной душе, посмотреть с тем, чтобы в ней навсегда укоренились вечные нравственные ценности: человеколюбие, милосердие и сострадание.

Литература

1. Володин А. Записки глазами нетрезвого человека. М.: Эксмо, 2011.
2. Громова М.А. Русская драматургия конца XX – начала XXI века: учеб. пос. 4-е изд. М.: Флинта: Наука, 2009.
3. Еремин П. «Скрипка Ротшильда» А.П. Чехова – связь с традициями русской классики // Вопросы литературы. 1991. №4. С. 93–123.
4. Кржижановский С. Писательские «святцы» Чехова: [о «говорящих» именах и фамилиях в творчестве Чехова] / С. Кржижановский // Литературная учеба. 2004. №4. С. 136–144.
5. Кучина Т. Г. «Я»-повествователь как «ненадежный» читатель автобиографического претекста в русской прозе конца XX- начала XXI вв. // Филологические науки. 2007. №2. С. 14–21.
6. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. М. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 2001.
7. Серафимова, В. Д. Проблемы нравственности и гуманизма в «женской прозе»: на примере отдельных произведений В. Токаревой // Русский язык за рубежом. 2009. № 1. С. 101–105.

8. Тертычная Н. Н. Жанровое своеобразие прозы Виктории Токаревой // Вестник Харьковского национального педагогического университета им. Г.С.Сковороды. Сер.: Литературоведение. 2011. Вып. 2(1). С. 116–122.
9. Токарева В. Важнее, чем любовь: Женские истории Виктории Токаревой. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Хранитель, 2007.
10. Токарева В.С. Мои враги. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. С.3–51.
11. Фролова О. Е. Рассказчик, повествователь, персонаж // Русская речь. 2007. № 6. –С. 39–43.
12. Чехов А.П. Скрипка Ротшильда. Собрание сочинений : в 12 т. / А. П. Чехов; общ. ред. М. Еремина. М.: Правда, 1985. С. 253–262.
13. Чуковский К. О Чехове. М.: Художественная литература, 1967.
14. Юркина Л.А. Портрет: литературный портрет в художественном произведении // Русская словесность. 1995. № 5. С.70–76.

POGA D.S.

Volgograd State Socio-Pedagogical University

STORY BY V.TOKAREVA «MY ENEMIES»: MEANING OF THE TITLE

The work identifies functional features, which make it able to reconstruct author's position in the story of V. Tokareva "My enemies".

Key words: title, author, hero, character, «women's» prose.